

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ
БЕЛАРУСИ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»**

Витебский филиал

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
(ДИСЦИПЛИН)**

**Сборник
научных статей и материалов по итогам
III (Третьей) Международной научной конференции
30 ноября — 1 декабря 2012 г.**

**Витебск
2012**

УДК 372.8. +30

ББК 74.58

А 43

Печатается по решению Научно-методического Совета ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО» (протокол № 3, «02» ноября 2012 г.).

Рецензенты:

Ежов А.Н. - президент Международного института управления имени Святого Праведного воина Феодора Ушакова (г. Архангельск, РФ), академик РАЕН (г. Москва, РФ), президент Международной «Лиги развития науки и образования» (Россия - Италия), член Российского союза ректоров, почетный работник науки и техники РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции РФ, действительный член Российской академии юридических наук, доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор;

Новик Ф.И. - ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук (РАН, г. Москва, РФ), доктор исторических наук;

Сапожникова Г.Н. - старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук (РАН, г. Москва, РФ), кандидат исторических наук;

Слемнев М. А. - профессор УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск, РБ), доктор философских наук, профессор;

Егоров А.В. - декан юридического факультета УО «Полоцкий государственный университет (г. Новополоцк, РБ), кандидат юридических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Космач В. А. (главный редактор),

Богомаз С.Л., Мурашкин А.И., Ключников А.С., Каравкин В.И., Половцев Д.О., Иванова Т.П., Кулиев С.И., Петкевич С.И., Маркова Н.С.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ДИСЦИПЛИН). Сборник научных статей и материалов по итогам III (Третьей) Международной научной конференции, 30 ноября - 1 декабря 2012 г - Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», 2012. - 714 с.

В сборник включены научные статьи и материалы участников конференции по актуальным вопросам изучения и преподавания общественно-гуманитарных наук (дисциплин): в области истории, экономики, права, отечественного и зарубежного языкознания и литературоведения, психологии и педагогики и др. Материалы научной конференции рассчитаны на студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, научных сотрудников, работников государственных, профсоюзных и общественных учреждений и организаций.

Научные статьи и материалы представлены в авторской редакции.

УДК 72.8+30

ББК 74.58

А 43

«PREUSSEN VERSUS REICH».
К ИСТОРИИ ПРУССКО-ГЕРМАНСКОГО ДУАЛИЗМА (1920-е гг.)

О.Г. СУББОТИН

Минск, УО «БГПУ имени М. Танка»

Ноябрьская революция 1918 г. упразднила институциональный союз Пруссии и рейха, а вместе с ним и систему гегемониального федерализма в Германии. С первых дней работы новому прусскому руководству пришлось отстаивать территориальную целостность государства, учитывая ту роль, которая отводилась ему в процессе модернизации и демократизации немецкого общества разработчиками Веймарской конституции.

На руку местным властям сыграли два обстоятельства: расстановка политических сил в Национальном собрании, позволившая достичь компромисса с федеральным центром по «территориальному вопросу», и гомогенность берлинских правительственных коалиций. В ликвидации прусской государственной автономии рейх видел источник внутривластной дестабилизации. Она, к тому же, могла быть воспринята Антантой как демонстрация слабости Германии, признак ее полного поражения в войне. При условии «разумной координации усилий» существование «двух сильных кабинетов», – писал Э. Кох-Везер на страницах «Берлинер Тагеблат» в марте 1919 г., – «может стать надежной опорой политике центра» [6]. На практике, однако, дела обстояли иначе. Вступление в силу Веймарской конституции (далее – ВК) не решило задачи оптимального соотношения уровня немецкой государственности с конституционно-правовым статусом Пруссии. Упразднив дуалистическую монархию, рейх освободил землю «от необходимости идентифицировать свои интересы с национальными и тем самым от патримониальной ответственности за страну» [10, S. 225]. В то же время у имперского правительства отсутствовали действенные рычаги влияния на административный аппарат 3/5 территории государства. Поэтому вполне привычным атрибутом политической жизни в Германии стало противоборство и соперничество двух кабинетов, резидировавших вдобавок ко всему на одной улице – «Вильгельмштрассе».

В период становления Веймарской республики разногласия сторон не носили принципиального характера и выражались, как правило, в блокировании прусскими чиновниками контактов их имперских коллег с представителями провинциальной администрации, а также в предъявлении финансовых (компенсационных) претензий рейху за нанесенный земле за годы войны, Рурской оккупации, сепаратистского движения и наводнения материальный ущерб. Теоретическая возможность «нейтрализации земли» с помощью ст. 63 ВК не мешала усилению ее политической мощи. В этом смысле негативное влияние дуализма становилось с каждым годом все более очевидным.

Начиная с 1924 г. отношения между Пруссией и рейхом вступили в фазу турбулентности. Как правило, они не носили ярко выраженного политического оттенка и вплоть до имперской экзекуции 1932 г развивались в относительно конструктивном ключе. Особенно плодотворно стороны сотрудничали в годы правления «веймарской» и «большой» коалиций. А вот в период нахождения у власти «гражданского блока» в 1925/1926 и 1927/1928 гг., не говоря уже о президиальных кабинетах, двусторонние отношения сопровождали многочисленные конфликты.

Предлагая себя в качестве альтернативного проекта рейху, Пруссия, в отличие от Баварии, видела свою миссию в сплочении нации, а не защите федералистских устоев [3, S. 121]. «Красный царь», как саркастично называли министра-президента О. Брауна современники, уверенно следовал традициям Бисмарка, публично подчеркивая тесную связь интересов земли и рейха при определяющем значении «прусской парадигмы». Правда, на этот раз носителями регионального самосознания выступали не сословно-партикулярные силы кайзеровской эпохи, а партии «веймарской коалиции» во главе с СДПГ.

Жаркие дебаты в 1920-е гг. велись по вопросу о структуре и регламенте работы рейхсрата. Прусское правительство настойчиво добивалось отмены *clausula antiborussica*, то есть передачи провинциям 1/2 прусских голосов в палате, лишавшей ее в некотором смысле «государственной идентичности». И все же реальная сила ст. 63 ВК была изрядно преувеличена. Ситуации, когда прусские голоса полностью или частично блокировали друг

друга, случались крайне редко. В период с 1921 по 1928 гг. провинции ни разу не голосовали в полном составе против своего правительства.

В целом Пруссия сохраняла доминирующее положение в верхней палате парламента. Большинство наложенных на нее ограничений удавалось компенсировать за счет активной работы правительства, умело использовавшего традиционные связи с северогерманскими регионами, в результате чего степень влияния рейхсрата была прямо пропорциональна реальному политическому весу земли в рейхе [13, S. 160]. Лишенная гегемониального статуса, Пруссия, по словам Аншютца, казалась способной сделать палату «очагом и оплотом партикуляризма» [1, S. 31]. Впрочем, для Трипеля уже на тот момент земля находилась во главе партикуляристской фронды, превратившись «из элемента интеграции рейха в фактор его дезинтеграции», в препятствие на пути «оздоровления федералистской структуры» [12, S. 577].

Предпринимаемые в годы относительной стабилизации усилия по преодолению «пруско-германского дуализма» необходимо рассматривать через призму конституционно-правовой и политической идентичности Пруссии и рейха, выходящей за рамки этнотерриториальной и экономической составляющих. Попытки синхронизации конституционных систем окончательно провалились, когда в Германии утвердился «гражданский блок». Прусские представители все реже приглашались на заседания имперского кабинета. Стороны конфликтовали по вопросам чрезвычайного законодательства, аграрных и торговых отношений, награждения орденами, предоставления финансовой помощи южно-германским землям и т. д. Министр Брахт не переставал твердить о «пруском коварстве» даже тогда, когда речь шла о второстепенных аспектах политики [10, S. 163]. Все это вело к потере авторитета властных структур, нездоровой конкуренции, поощрению ведомственного партикуляризма и бессмысленной борьбе за престиж [4, S. 13].

В 1926–1927 гг. конфликт спровоцировало назначение экс-канцлера Г. Лютера членом совета директоров рейхсбанка. Лишенная законного места, Пруссия обжаловала данное решение в Государственной судебной палате (далее – ГСП), после чего рейх вынужден был уступить [5, S. 238–253].

Весьма остро стоял вопрос об управлении речным судоходством. Пруссия находилась в числе 15 земель, чьи водные артерии после революции перешли в компетенцию Берлина. На долю земли приходилось 77% от их общей протяженности в 9200 км. Для сравнения, на Баварию – 7,9%, Саксонию – 1,3%, Вюртемберг – 1,2%, Баден – 2,4%, Гессен – 1,4%, Гамбург – 0,6%, Брауншвейг – 0,3% и т. д. [5, S. 261]. В организационном плане рейх планировал разделить «речные пути» по округам, то есть создать имперские инстанции среднего уровня, с чем категорически не согласилось большинство регионов. Апеллируя к ст. 171 ВК, Пруссия потребовала подчинить речную администрацию субъектам. Иными словами речь шла о распределении полномочий, т. е. о непосредственном имперском управлении или же мандатном управлении земель. Предпринимаемые с 1921 г. в этой связи усилия, сопровождаемые многочисленными конференциями и обращениями в ГСП, растянулись на долгие годы, вплоть до имперской экзекуции 20 июля 1932 г.

Серией двусторонних конфликтов было отмечено назначение в январе 1927 г. на пост рейхсминистра внутренних дел бывшего ландрата Кенигсберга В. фон Койделля, уволенного в свое время Брауном за пособничество В. Каппу. Заняв должность в правительстве, Койделль отправил в отставку ряд высокопоставленных чиновников-республиканцев министерства, в том числе статс-секретаря Шульца и руководителя конституционного отдела Брехта. В рейхсрате министр чинил препятствия прусской законодательной инициативе о придании 11-му августа статуса национального праздника [10, S. 166].

Значительных масштабов «пруско-германский антагонизм» достиг в ходе бюджетных дебатов 1927 г. и дискуссии, посвященной утверждению ключевых параметров «системы финансового выравнивания». Браун настаивал на отмене преференций (дотаций) южно-германским землям, указывая на их малую эффективность. Разразившийся на этой почве конфликт между Пруссией и вставшим на сторону Баварии Койделлем, посредником в котором пытался выступить рейхсрат, безрезультатно продолжался без малого полтора года.

Не менее интенсивными были имущественные споры и противоречия по вопросу о материальной помощи аграрным регионам земли, переживавшим хронический структурный кризис. В то время как Пруссия настаивала на финансовой поддержке мелких и средних крестьянских хозяйств, делая акцент на индустриализации и транспортно-техническом перевооружении отсталых районов, Берлин укреплял традиционные для Восточной Эльбы формы крупного помещичьего землевладения. Протекционистские пошлины, дешевые кредиты, списание долгов и налоговые льготы вели к плачевным экономическим последствиям, консервации деструктивных тенденций и, наконец, ослаблению политического влияния прусского правительства. Не обладая эквивалентными ситуациями финансовыми возможностями, правительство Брауна было в итоге вынуждено выйти из программы «восточной помощи», расписавшись в своем бессилии перед центром [8].

Безусловно, прусские социал-демократы идеализировали «единое государство», но предлагаемые имперскими чиновниками и рядом видных ученых страны пути его создания не устраивали политическую элиту земли. Всеми доступными средствами она боролась против «ползучей централизации сверху», отказываясь в одностороннем порядке жертвовать собой на благо «мнимого немецкого единства», достичь которого, по словам Брауна, можно было «только с помощью прусского государства» и с опорой на существующие в республике силы [2; 11, S. 495, 503]. На практике это подразумевало нечто иное, как защиту «демократически-республиканского бастиона Пруссии» и действующих в ней властных структур [7, S. 552].

Специфической тактики местный кабинет придерживался в отношении южан, провоцируя Баварию, Баден и Вюртемберг на перманентную федеративную дискуссию, водораздел в ходе которой проходил между приверженцами исторически сложившейся «союзной традиции» и сторонниками свободной от безудержного унитаризма децентрализованной единой Германии. Ставя знак равенства между землей и рейхом, Браун в глазах федералистов блокировал процесс нормализации отношений между севером и югом, тогда как скрытый прусско-германский дуализм по-прежнему оставался главным конструктивным недостатком «веймарской модели» [9]. В результате «центральному дуализму берлинских властей, – как верно отметил Г. Шульц, – соответствовал дуалистический централизм», характерной чертой которого являлся ведомственный партикуляризм, мешавший оперативному и взвешенному принятию решений [11, S. 499].

Попытки заключить прусско-германскую унию предпринимались неоднократно. Наиболее благоприятные условия для этого созрели в 1928 г., когда СДПГ одержала убедительную победу на выборах в рейхстаг и прусский ландтаг. Министр-президент Браун фигурировал в качестве кандидата на пост канцлера, но предпочтение было отдано Г. Мюллеру. Этим решением, как полагал министерский директор А. Брехт, СДПГ упустила реальный исторический шанс для интеграции. Иной точки зрения придерживается историк Фонденхофф. «Система Бисмарка», по его мнению, не ограничивалась одним только персональным союзом глав правительств [13, S. 230]. К тому же было не ясно, каким образом поведут себя рейхсвер и президент. Вполне вероятным представлялся уход в активную оппозицию южан. Поэтому, не отрицая стабилизирующего эффекта институционального союза, можно выразить сомнения относительно успеха вышеназванного проекта при П. фон Гинденбурге.

По мере роста экономических проблем в Германии все более отчетливыми становились диспропорции в развитии субъектов немецкой федерации и, следовательно, союзных отношений как таковых. Исправить ситуацию эксперты предлагали за счет структурной имперской реформы, то есть путем унификации административных систем в стране, огосударствления ключевых сфер управления мелких и средних земель, ликвидации анклавов, формирования «северогерманского блока» в составе Саксонии, Тюрингии, Гессена, Брауншвейга и Ангальта, прусско-имперской министерской унии и т. д. Все эти мероприятия предусматривали прямое и действенное участие Пруссии. Но как раз в данном сегменте реформы у Берлина возникли серьезные проблемы. Ликвидация анклавов и объединение среднегерманских субъектов потенциально угрожали территориальным амбициям Пруссии и целостности ее провинций, поэтому были неприемлемы для кабинета Брауна. Другое дело реформа власти, на которую земля смотрела с позиции доминирующей силы. В поглощении финансово слабых приграничных

субъектов она видела способ «пруссификации рейха», т. е. средство достижения национального единства.

Следует отметить, что ни период становления республики, ни относительная стабилизация экономической и политической жизни в Германии оказались не в силах скорректировать заданную Веймарской конституцией парадигму союзных отношений. Фактическое гегемониальное положение Пруссии служило преградой на пути совершенствования системы государственной власти, являлось катализатором борьбы за политический престиж и влияние в стране, имевшей, как правило, негативные конституционно-правовые последствия для нации. Тем не менее, благодаря бюрократическим каналам общения, сторонам удавалось на протяжении 1920-х гг. избегать авторитарного характера дискуссии о заключении тесной прусско-германской правительственной унии, отличительной особенностью которой являлась невиданная доселе палитра мнений, а в числе доминирующих концепций фигурировали два проекта – «инкорпорация Пруссии в рейх» и «пруссификация Германии».

Литература:

1. Anshütz, G. Der deutsche Föderalismus in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft // Der deutsche Föderalismus. Die Diktatur des Reichspräsidenten. – Berlin [u.a.]: de Gruyter, 1924. – S. 11–32.
2. Braun, in: Vorschläge zur Reichsreform. Akten des Reichssparkommissars // Bundesarchiv (BA). – R 43 I/1877. – Bl. 43–611.
3. Ehni, H.-P. Bollwerk Preußen? – Bonn [u.a.]: Neue Gesellschaft, 1975.
4. Horion, J. Probleme der Reichsreform. – Jena: G. Fischer, 1931.
5. Klaus, H. Der Dualismus Preußen versus Reich in der Weimarer Republik in Politik und Verwaltung. – Mönchengladbach: Forum-Verl. Godesberg, 2006. – 545 S.
6. Koch, E. Deutschland ohne Preussen?, in: Berliner Tageblatt v. 29.3.19 // BA. – N 1012 (Koch-Weser). – Nr. 189.
7. Möller, H. Parlamentarismus in Preußen 1919–1932. – Düsseldorf: Droste, 1985.
8. Niederschrift über die Besprechung der zwischen dem Reich und Preußen bestehenden Streitpunkte in der Reichskanzlei am 2. März 1927, vom 2.3.27 // BA. – R 43 1501/125025. – Bl. 158–160.
9. Preußen und Bayern, in: Bayerischer Kurier, Nr. 328 v. 24.11.27 // BA. – R 43 I/2248. – Bl. 339.
10. Rosenau K. Hegemonie und Dualismus. *Preßens staatsrechtliche Stellung im Deutschen Reich* / K. Rosenau. – Regensburg: Roderer, 1986. – 240 S.
11. Schulz G. Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik: In 3 Bd.. – 2. Aufl. – Berlin [u.a.]: de Gruyter, 1987.– Bd. 1.
12. Triepel, H. Die Hegemonie. – 2. Aufl. – Stuttgart: Kohlhammer, 1943.
13. Vondenhoff, Ch. Hegemonie und Gleichgewicht im Bundesstaat. Preußen 1867–1933: Geschichte eines hegemoniales Gliedstaates. – Aachen: Shaker, 2001.

СВОБОДНЫЕ ПРОФСОЮЗЫ И СДПГ: ПАРТНЕРСТВО И СОПЕРНИЧЕСТВО В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

П.А. ШУПЛЯК

Минск, УО «БГУ»

Свободные профсоюзы были наиболее массовыми и влиятельными в Германии. Революционные события 1918-1919 гг. привели к серьезным переменам организационного характера в профсоюзах. Массовый приток новых членов, возрастание их роли и влияния в общественно-политической жизни требовали консолидации профсоюзных рядов. На Нюрнбергском конгрессе в 1919 было принято решение об объединении Свободных профсоюзов в единую общегерманскую организацию – Всегерманское объединение профсоюзов (АДГБ)²¹. В результате на смену достаточно аморфным организационным структурам пришли четкие и достаточно жесткие принципы внутреннего строительства с очевидным усилением централистских тенденций.

²¹ АДГБ – от немецкого названия: Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund.